

В последующие несколько дней оборонительные порядки советских войск претерпели значительные изменения: в первую очередь, 42-я армия, защищавшая южные подступы к Ленинграду, возвела множество укреплений в районе Кировского завода, что за Пулковскими высотами. Затем 23-я армия, расквартированная на Карельском перешейке для защиты от наступления финнов, выделила часть своих сил для усиления 42-й армии. Генерал Иванов, прежний командующий армией, был отстранён от должности Жуковым за неумелое руководство, и его место занял генерал-майор Федюнинский, верный помощник Жукова. Он принял под своё прямое командование и нашу 21-ю дивизию внутренних войск, в которой служил я.

Приняв командование, Федюнинский бросил значительные силы на укрепление линии Урицк — Пулково, чтобы стабилизировать оборону. Он организовал контратаку на Дудергофские высоты, что к северо-западу от Пулковских высот, стремясь как можно скорее вернуть утраченные позиции и надёжно удерживать немцев на периферии Ленинграда. Войска 23-й армии, переброшенные для поддержки, вступили в затяжные бои с немцами за контроль над районом Урицка, превратившиеся в изматывающую позиционную борьбу.

Благодаря активному наступлению советских войск планы немцев были сорваны, и перед Пулковскими высотами воцарилась тишина. Сапёрные части, оборонявшие высоты, воспользовались этой короткой передышкой, чтобы усилить позиции: перед укреплениями было заложено множество мин, натянута колючая проволока, вырыты противотанковые рвы.

Я организовал бойцов своего взвода: мы не только укрепили существующие зенитные позиции, но и хитроумно разместили несколько новых огневых точек на вершине холма, в выгодных местах. Этот рубеж подвергался бомбардировкам немецкой авиации, но наземный артиллерийский огонь не представлял для нас угрозы. Такое расположение позволяло нам не только защищаться от атак с воздуха, но и наносить удары по врагу, наступающему на высоты, с господствующей позиции.

Надев фуражку с широкими полями и новенькую форму с погонами лейтенанта, я в одиночестве стоял у свежесозданной огневой точки, поднеся бинокль к глазам. Отсюда открывался вид не только на наши позиции, но и на вражеские укрепления. Огромная равнина, простирающаяся до самого горизонта, была изрезана паутиной окопов и траншей. Колючая проволока вилась причудливыми зигзагами, извиваясь по земле. Перед позициями, израненными бомбами и снарядами, повсюду валялись обугленные остовы немецких танков и бронетранспортёров, покорёженные и сожжённые в бою.

— Бум! — свистящий снаряд упал на южный склон безымянной высоты, оборвав моё созерцание пейзажа. Похоже, после нескольких дней затишья враг вновь готовился к атаке. Я опустил бинокль и бросился назад. Когда гул артиллерийских залпов слился в сплошной рёв, я уже был на зенитной позиции. Мои бойцы, давно готовые к бою, ждали приказа.

– Лейтенант Савченко! Сержант Каренина! – громко крикнул я, подзывая своего заместителя и командира отделения.

– Здесь! – откликнулись лейтенант Савченко и сержант Каренина. Услышав мой голос, они подбежали ко мне, остановились и отдали честь.

– Лейтенант Савченко, возьмите пять зенитных орудий и один зенитный пулемёт и отправляйтесь на новую оборонительную позицию, – я принял каску из рук Карениной, надевая её на ходу, и продолжил отдавать приказы: – Каренина, оставшееся одно зенитное орудие и два пулемёта остаются здесь под вашим командованием. Обеспечьте защиту высоты от авиации любой ценой.

– Есть, – ответили они в один голос и тут же разошлись, чтобы организовать бойцов для выполнения моих распоряжений.

Когда зенитные орудия и пулемёты заняли новые позиции, мы с лейтенантом стояли в укрытии, наблюдая через бинокли за обстановкой у подножия склона. Минное поле перед линией обороны подверглось яростному обстрелу: заложенные мины одна за другой взрывались, и от непрерывных разрывов подбитые танки и бронемашины снова вспыхивали огнём, который тут же гас под поднятыми в воздух тучами земли.

Снаряды падали на высоту, словно дождь. Ближайший разрыв был метрах в пятидесяти от меня, но я всё равно ощущал, как мощные взрывы гремят совсем рядом. Земля содрогалась так сильно, что в ушах стоял непрерывный гул.

Обстрел длился сорок пять минут и прекратился так же внезапно, как начался. Сначала с немецких позиций взлетели две сигнальные ракеты — красная и белая. Затем десяток танков, выстроившись клином, пересекли траншеи и двинулись вперёд. Следом из окопов выскочили солдаты в серо-зелёной форме и, прячась за танками, бросились в атаку на высоту.

Внезапно раздался оглушительный взрыв: головной танк резко замер, и из него вырвался столб огня. За первым взрывом последовал второй, затем третий — ещё два танка, шедшие следом, подорвались на минах.

Тут же загрохотала плотная стрельба. Сначала заговорили пулемёты, их «та-та-та-та» разнеслось по позициям, а затем открыл огонь весь батальон. Танкисты, выпрыгивавшие из горящих машин, в панике катились и ползли назад, но не успевали отбежать далеко — их одного за другим косила советская огневая мощь.

Поначалу слышались только выстрелы и пулемётные очереди с наших позиций, но через несколько минут их заглушил грохот разрывов снарядов. После недавнего обстрела уцелевших мин осталось немного, и следующие танки благополучно миновали поле, остановившись у траншей. Оттуда они открыли яростный огонь из пушек и пулемётов.

Снаряды падали прямо на оборонительные позиции, и самые опасные пулёмётные огневые точки одна за другой уничтожались немецкой артиллерией. Солдаты в серо-зелёной форме, держа наготове автоматы, короткими перебежками неуклонно приближались к траншеям.

– Пора нам вступить в бой, – пробормотал я себе под нос и тут же повернулся к стоящему рядом лейтенанту: – Используйте зенитные орудия против танков, а зенитные пулёмёты — против пехоты. Быстро выполняйте!

Немцы наступали стремительно: едва пехота подошла к траншеям, остановившиеся было танки, снова двинулись вперёд. Бойцы, лишённые противотанкового оружия, оказались бессильны перед этими стальными громадинами. Кто-то, потеряв голову, выпрыгивал из траншеи и бежал назад, но не успевал далеко уйти — его тут же косили пули. Два танка пересекли первую линию траншей и быстро направились к нам. Часть немецких солдат ворвалась в окопы, и там завязалась яростная рукопашная схватка с нашими бойцами.

В этот момент позади меня раздался грохот выстрела. Рядом с двумя приближающимися танками взметнулся столб земли, прогремел взрыв.

«Это зенитки открыли огонь», – мелькнула мысль.

Для хорошо обученных зенитчиков попасть в танк, движущийся по земле, было куда проще, чем в самолёт, мчащийся по небу на огромной скорости. Последовало ещё несколько взрывов, и на этот раз что-то рвануло внутри одного из танков. Из смотровой щели повалил дым, корпус судорожно дёрнулся и замер.

Второй танк продолжал двигаться вперёд. Несколько снарядов разорвались рядом, но это ничуть не замедлило его ход. Между танком и второй линией укрытий оставалось всего десятков метров, когда вдруг из траншеи выскочил боец. Он метнул в танк бутылку с зажигательной смесью, но, видимо, от волнения промахнулся — бутылка покатила по земле, не долетев до цели. Не успев ничего исправить, он рухнул, сражённый пулёмётной очередью с танка. И тут же другой солдат выпрыгнул из окопа, подбежал, схватил с земли ту же бутылку и с силой швырнул её в танк. Пламя мгновенно охватило броню, будто прилипнув к стальным плитам. Огонь яростно пожирал машину, окутывая её целиком. Из люков вывалились танкисты, объятые пламенем, — их истошные вопли перекрывали даже рёв двигателя, пока они в агонии катались по земле.

Тот, кто бросил бутылку с зажигательной смесью в танк, уже развернулся и стремительно бежал к укрытию в траншее. Сквозь бинокль я разглядел его — это был капитан Храпов, политрук первого ранга. Ещё шаг-два, и он бы успел нырнуть в окоп, но вдруг его шаг замер, тело судорожно дёрнулось, и он рухнул на землю.

– Храпов! – увидев, как капитан погиб у меня на глазах, я почувствовал, как кровь прилила к глазам. Быстрым шагом я бросился к зенитному пулёмёту, оттолкнул стрелка, сам занял место за орудием и, кипя от ярости, рывкнул лейтенанту: – Продолжайте яростно бить по немцам, не жалейте патронов! – Затем с силой вдавил педаль огня.

Четырёхствольный зенитный пулемёт обрушил на немецкую пехоту перед позициями плотный поток огня. Слезы текли по моим щекам, а я всё сильнее нажимал на педаль. Пулемёт дрожал в руках, пули с бешеной скоростью вырывались из стволов, а гильзы, звеня, сыпались на землю.

Глядя, как немцы падают под моим огнём целыми рядами, я ощутил, как буря в душе начала стихать. Смерть, оказывается, так проста: на поле боя, где гремит война, достаточно одного мгновения, чтобы множество живых душ отдать в объятия смерти. Вот что такое война!

***

<http://bllate.org/book/16020/1429207>